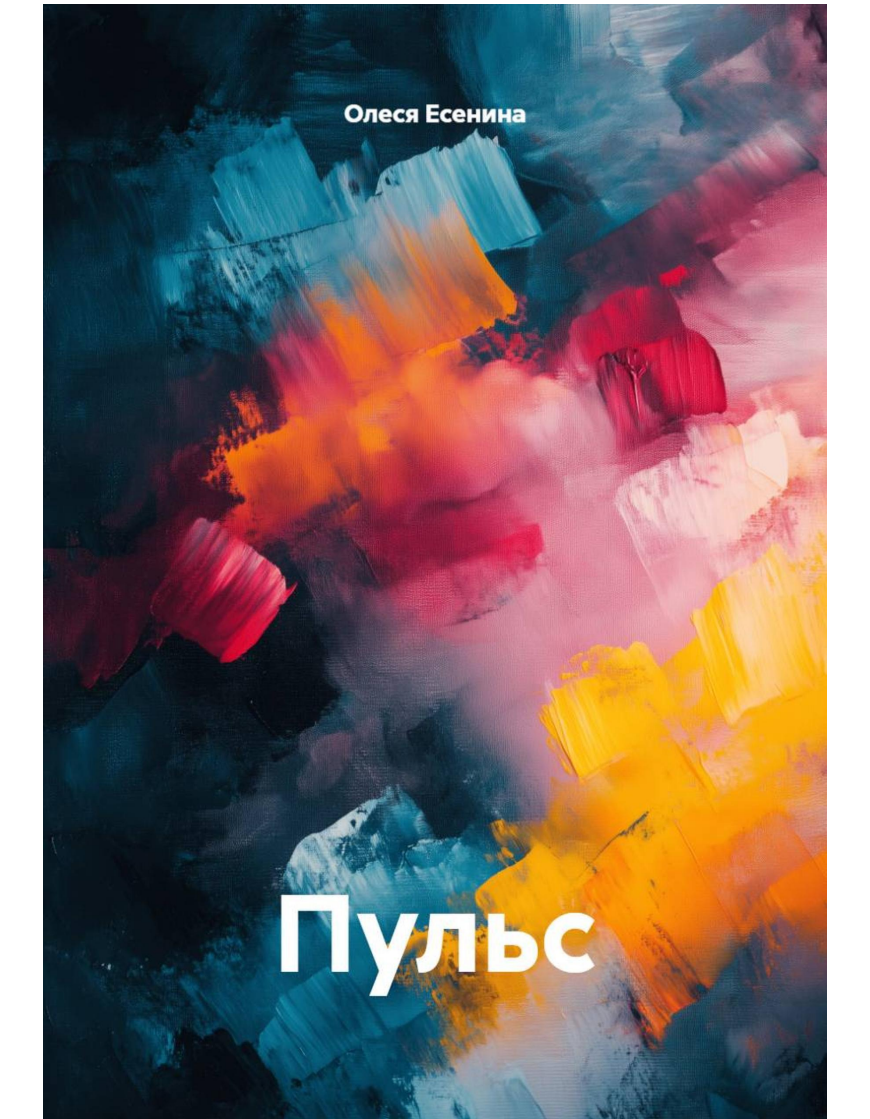

An abstract painting featuring bold, expressive brushstrokes in a variety of colors. The palette includes deep blues and teals, vibrant oranges and yellows, and rich reds and pinks. The composition is dynamic, with colors blending and overlapping in a way that suggests movement and energy. The texture of the paint is visible, adding to the visual richness.

Олеся Есенина

Пульс

Олеся Есенина

Пульс

<https://litres.ru/74384929>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он очнулся брошенным в поле в окружении незнакомцев – таких же пленников, как и он сам. Их истязают преследованием: бег поднимает пульс, который считывает наручный браслет и бьет током - тогда спасение павшего становится чужой ношей... Но стоит ли рассчитывать на чужое милосердие? Как герои будут балансировать между жизнью и смертью, и кто из них сможет выжить? Один уйдет, так и не применив ни смекалки, ни силы. Второй, будто хранимый Высшими Силами, не только выживает каждый день, но и встречает любовь. Остросюжетный роман с множественными переплетениями судеб, не лишенный романтики ужинов у костра, юмора, философии и трагедии конечности жизни рекомендован к прочтению всем, кто хоть раз задумывался о смысле жить.

Олеся Есенина

Пульс

Глава 1

Очнувшись на земле, Никифор увидел обеспокоенных уставших людей. Они скучковались у забора и смотрели вперед со страхом, болью и пронзительной печалью.

Печать отчаяния – у каждого своя. Вот женщина стоит ссутулившись, она готова бежать, но куда? Глаза ее бегают в замешательстве... Вот мужчина устал и тяжело дышит, он сел на землю, скрестив ноги, он держится за колени, а за жизнь будто не держится, устал уже...

Сколько их? Никифор насчитал семеро взрослых и ребенка. Голова гудела, предательски не желая размышлять. Только отсутствие мыслей, гул и Никифор – парень, которого приволокли на поле минут двадцать назад палачи. Новенький.

Поле боя

Смеркалось.

– Слава Богу, этот день подходит к концу. Можно отдохнуть, – сказала девушка в лохмотьях.

Никифор лежал на земле, шея ныла, мышцы не слушались.

– Вставай давай, – обратилась она к нему строго. – Если жить хочешь. Вставай! - Уже криком приказала она.

Это заставило его поднять голову, люди оживились, но глядя на них становилось все страшнее – что творилось в их глазах... Они покорно соскочили и приготовились бежать. Никифор понял, что за его спиной нечто ужасное, и он тоже должен бежать: «ЕСЛИ ЖИТЬ ХОЧЕШЬ – ВСТАВАЙ!» – зазвучал снова голос незнакомки в его голове...

Никифор оглянулся – прямо на него катился огромный трехметровый титановый шар. Оценив его траекторию, он метнулся к забору, но вдруг понял, что расчет здесь не имеет никакой силы преимущества, когда шар вдруг остановился и медленно покатился снова на него.

Он встал и побежал, оглядываясь и сверяя направления движения. И лишь теперь его взору открылась честная картина вокруг: на поле было гораздо больше людей, чем во семь. Они бежали и лежали, они рыдали и молчали без сил, некоторые были мертвы, а кто-то был без сознания – и их

рывками утаскивали за ноги и за руки те, кто оставался на ногах – с пути следования шара, вступая из последних сил в борьбу с титаном за чужую жизнь.

Он посмотрел на свои руки – царапины, ссадины, земля... И браслет, крепко зажатый на запястье.

«Где я?» – промчалось в его голове...

– Ты в плену! – раздался звонкий голос за спиной. Это была девочка-подросток в грязных белых шортах и черной майке. – Если не сдохнешь – вечером поешь. Вчера была запеченная картошка! – ее голос звучал поразительно весело и задорно. Только подростки умеют так легко обесценить жизнь, приправив это юмором.

– Завидую. – понял Никифор. – Эта девчонка в силах радоваться, может и я так должен...

– Ты сильно не бегай, браслет током бьет, если пульс высокий – сообщила она. – Упадешь – я тебя больше таскать не буду, ты тяжелый.

Из заметок пленного Итора: «Солнце садилось. Летний ветер ласкал травы, а мы – куча мелких людишек и огромный титановый шар – были окружены высоченным забором, и наша жизнь стала чьей-то игрушкой в подлых руках... Или экспериментом?»

Печеная картошка

«Стемнело. Солнце зашло за горизонт и настала ночь. Черное небо раскрылось непрочитанной книгой множества звезд. Что вы знаете о звездах? У вас была целая жизнь, и вы могли посвятить ее науке или поэзии, научиться петь или медитировать – а теперь у вас нет ничего, кроме этой печеной картошки в руках.

Новое завтра не гарантирует жизнь. Когда ты скажешь небу «прощай» и сделаешь последний вдох?» – Итор захлопнул блокнот и, голодный, поспешил к ужину, все уже собрались у костра.

Печеная картошка разлеталась по рукам еще горяченькой, сажа после костра была на лицах и руках людей, они ели ужин с большим аппетитом и будто с предвкушением. Ели и молчали.

Так и Никифор боялся нарушить тишину. Вдруг к нему подошла женщина и вложила в руки две картофелины:

– Не щелкай, без ужина останешься.

Он узнал ее решительный голос. Это была та самая женщина, что строго кричала ему: «вставай!», когда он очнулся.

– Ин биг фэмили клювом донт клац-клац, – сказал мужчина из толпы, люди заулыбались.

Никифор почувствовал, что обстановка разрядилась и оглянулся – шар застыл на месте часа два назад.

– Кто им управляет?

– Ты как сюда попал? – перебил Никифора парнишка лет двадцати с очень умным взглядом.

– Не помню... – он зажмурился, пытаясь хоть на миг нырнуть в память. – Я шел по улице... Потом удар по голове, – он потрогал затылок, обнаружив на нем шишку и клочки волос, склеенных то ли кровью, то ли грязью...

– А я в баре сидел. Пил и уснул. Проснулся уже тут. Тебе тоже никто не представился? Странно, конечно... – с издевкой протянул парнишка.

Его сарказм покоробил Никифора. В ответ сразу захотелось бросить что-то колкое. Голова его гудела и не хотела сочинить ни единого обидного ответа.

«Душнила!» – наконец-то всплыло хоть слово! И только Никифор открыл рот, чтобы передать оппоненту эту важную информацию, как тот перебил:

– Я Данила. А тебя как звать? – и протянул руку.

«Терпимо» – подумал новенький. И ответил:

– Никифор.

– О! Ник! Можно звать тебя Ник?!

– Нет. – отрезал тот, посмотрев на Данилу, как на идиота.

– Я тут уже неделю. Вон видишь огни? – он указал рукой в сторону шара. Далеко за забором виднелись пять огоньков.

– Мне кажется, это оттуда шаром управляют.

– Да это фонари, Валера! – вмешался мужик из толпы.

– Сам ты Валера! Это единственные электростолбы здесь!

Кому нужны фонари в тундре, в лесу этом, сам подумай!

Вокруг действительно не было ничего, кроме леса, уже знакомого поля с забором и крутого утеса справа от толпы.

Ни избушки, ни охраны, ни шума воды, ни признаков цивилизации. Только новые знакомые у костра – человек тридцать, печеная картошка и ночь.

«Неделю они уже тут. Минимум. Не по своей воле. Слабо верится, что они так глупы, что не могут сбежать», – пытался оценить ситуацию новенький.

– А что с браслетом? Он реально током бьет?

– А ты еще не испытал на себе? – удивился Данила. – Мне сразу повезло, с первой пробежки. Он пульс замеряет: пока бежишь, пульс поднимается. Как дойдет до предела – тебя током бьет, падаешь в конвульсиях. Если шар мимо пролетел – тебе повезло. А если ты по прямой от него бежал – тогда прощай!

– И какой предел?

– Не знаю, мы тут без тонометра бегаем! – бросил Данила.

– Отдыхать надо вовремя, – вмешалась девушка в длинном платье с красными славянскими узорами. Такие сейчас не носят. Разве только на тематических праздниках. Она представилась:

– Я – Алина. Ты как чувствуешь, что пульс ускорился – прыгай в сторону. У шара разгон большой, он пока остановится – ты отдыхай. Чем выше скорость набрал – тем больше отдохнешь потом. Но не перегибай – следи за пульсом.

«Гонки со смертью. Наперегонки с адекватностью» – бережно царапал Итор заметки в блокноте:

– Выживу – напишу книгу. А не выживу – пусть найдут мои заметки и напечатают.

Он был нелепо худой, щеки его провалились, одни глаза – огромные, серо-голубые – внимательно наблюдали за всем вокруг. Взгляд его был чаще всего удивленным и немного безумным. Смотрел он всегда сквозь человека, будто ловил сигналы из космоса о законах мироздания – и тут же писал их в блокнот.

Алина была на фестивале хороводов и русского фольклора. Ехала домой и уснула в поезде. Очнулась, когда палачи бросили ее на поле.

Итор воевал. Был на задании в разведке. Как отключился, не помнит. Пришел в сознание, когда его тащили, схватив за руки и за ноги незнакомые люди этого плена, спасая от шара. Итор испугался и, пытаясь сопротивляться, пнул мальчишку лет шестнадцати – тот упал и погиб под титановым прессом. С тех пор Итор каждый день молится за него и просит прощения...

– А как я сюда попал? – спросил Никифор, доедая последнюю картошку.

– Палачи принесли. Они с мешками на голове заходят тут... Доставка новеньких!

– И часто доставка?

– Да каждый день.

– Шар ночью не катается?

– Нет, стоит до рассвета, – взвробос отвечали люди в толпе.

– С первыми лучами солнца мы снова будем умирать, – подметил Итор и полез в блокнот записать эту мысль.

Никифор рассуждал:

– Так, сегодня 10 августа. Рассвет будет примерно в 4:50, заход где-то в полдевятого, наступление темноты в девять. Значит, с каждым днем он будет останавливаться на две минуты раньше, и начинать движение на две минуты позже. Это почти плюс пять минут отдыха в сутки...

– Ты что, астронавт?! – с неподдельным восторгом воскликнула девочка-подросток, которая обещала ему картошку на ужин, и, увидев непонимание в глазах окружающих, быстро поправилась:

– Ой! Астролог!

На поле раздался смех. Избитые, уставшие и сытые люди без будущего цеплялись за жизнь с помощью маленьких и неуклюжих шуток, с помощью детей и доброты, с помощью романтики и философии, с помощью науки и фантазии...

Даша – так звали девочку – была превосходно мила в своей глупости и вызывала у Никифора шквал чувств. Возможно, если бы его дочь родилась тогда, пятнадцать лет назад, то она была бы похожа на Дашу. Возможно, однажды, она бы выдала что-то подобное или даже покруче. А он по-отечески мудро объяснял ей, как устроен этот мир, учил бы говорить

слова правильно и очень любил бы ее...

С улыбкой под смех компании, он сказал:

– Дашенька, это астрономы изучают. Но не обязательно быть астрономом, чтобы знать, что дважды в год происходит солнцестояние: зимнее и летнее. Вот, 22 июня – самый длинный день, после этой даты солнечный день становится короче каждый день примерно на четыре минуты. Солнце садится раньше на две минуты, а всходит позже на две минуты. Поэтому к декабрю день совсем короткий – в нашем краю семь часов всего. С девяти до пяти. А потом, после 21 декабря, день начинает прибавляться, – он говорил это так бережно и уважительно, не оставив Даше причин обидеться на их смех или стыдиться собственного незнания. Он всегда знал и помнил, как ранимы подростки, особенно девчонки.

И она не обиделась. Хотя было видно, что ей немного неловко:

– Я надеюсь, мы не останемся здесь до декабря... Нас же должны найти... Они привозят новеньких каждый день, оставляя и оставляя новый след! Ведь нас ищут, точно ищут! Вы представляете, сколько заявлений в полиции?! Вся Москва уже на ушах – так бы сказала мама...

В глазах девочки засверкали слезы, и дрожащий голос выдал на слове «мама», как сильно ей одиноко, страшно и грустно здесь с незнакомыми людьми... Даже если они стараются держаться сильными, даже если они относятся к ней бережно и с теплом... Ей очень хочется домой, к маме... И

она заплакала. Алина обняла девочку, крепко прижав к себе, и Даша зарыдала в голос.

Люди молчали. Каждый плакал о своем. Кто-то глубоко внутри себя, а кто-то не пряча слез. Кто-то сожалел об упущенных возможностях – поговорить с близкими и посидеть в теплом кругу, и обняться, и проститься, и простить... Как далеко сейчас это все: семья, дом и даже кот, за которым так не хотелось убирать разбитые цветочные горшки – даже он, пушистый и наглый, невыносимо далеко, и не понятно, удастся ли погладить его еще хотя бы раз в жизни, ощутить своими руками его мягкую шерсть и мурлыканье...

Одни сожалели о том, что сделали. А другие – о том, чего так и не сделали. У каждого своя боль.

– Ну, скинут нам теплое, если доживем до декабря... – Предположил седой мужчина из толпы.

С утеса каждый вечер на поле пленным скидывали мешок картошки и воду. Иногда скидывали дрова. За попытку побега били током браслеты. Снять крепкие металлические оковы никому ни разу не удалось.

Однажды, люди сделали ров, чтобы прекратить проклятый бег. Но когда в нем спрятался от истязаний парень Костя, то его браслет включился и не переставал отдавать разряды тока, пока Костя не погиб. Спасти его никто не смог – да и не осмелился бы. Случайность это или закономерное наказание за изобретательность, никто не знал. И ни один пленник не пожелал выяснять этого ценой собственной жизни.

ни. Костю похоронили прямо там – в канаве, что должна была стать ему убежищем и сохранить жизнь. Ров засыпали. А вокруг Костиной могилы выросло кладбище. С тех пор несчастные «играли по правилам» и без хитростей.